тивности. Автоматизация потребует модификации процессуального регламента, гражданское судопроизводство станет более алгоритмичным. Условием качественного и эффективного использования технологий искусственного интеллекта в гражданском судопроизводстве является формализация правовых предписаний, перевод на язык машин правил, созданных для людей. Основы этого были заложены советскими учеными в конце 70-х гг. XX в. Автоматизация судопроизводства неминуемо затронет и сферу материального права.

В завершение отметим, что современные информационные технологии могут и должны рассматриваться как средства повышения результативности и значительного снижения всех видов издержек в гражданском судопроизводстве. Необходимым условием применения искусственного интеллекта является эффективность судебной защиты. Основанные на технологиях искусственного интеллекта передовые достижения позволяют повысить эффективность обращения в суд, оптимизировать судебное разбирательство, обеспечить единообразное применение судами правовых норм, снизить издержки судебных ошибок, а также издержки проверочных производств. Внедрение информационных технологий потребует дальнейшей алгоритмизации судопроизводства как формы защиты судом прав и свобод, процессуальной формы применения судами правовых норм.

И.Н. Лукьянова,

кандидат юридических наук, доцент,

старший научный сотрудник

сектора гражданского права,

гражданского и арбитражного процесса РАН

Принцип контроля пользователем в ЕЭХИИС³⁹³

Последним из пяти принципов Европейской этической хартии использования искусственного интеллекта в судопроизводстве и окружающих их реалиях (принята на 31-м пленарном заседании Европейской комиссии по эффективности правосудия (Страсбург, 3–4 декабря 2018 г.) является принцип «контроля пользователем». Речь идет о контроле пользователем использования искусственного интеллекта (далее – ИИ) в судопроизводстве. Под пользователем, как следует из пояснений к принципу, понимаются как судьи, так и участники процесса³⁹⁴.

Адресатом Европейской этической хартии использования искусственного интеллекта в судопроизводстве и окружающих их реалиях (далее – ЕЭХИИС) являются прежде всего государственные и частные лица, ответственные за разработку и внедрение инструментов и услуг, основанных на искусственном интеллекте и направленных на обработку судебных решений и данных (далее – ИИ-инструменты и услуги), а также государственные лица, ответственные за законодательную или нормативную базу, разработку, контроль или использование таких инструментов и услуг³⁹⁵. ЕЭХИИС не является обязывающим актом и носит только рекомендательный характер. Принципы ЕЭХИИС отражают подход Европейской комиссии по эффективности правосудия, в соответствии с которым признается необходимость осуществления цифровизации правосудия при соблюдении условия ее этичности, принимая во внимание социальные и этические последствия внедрения технико-инструментальных решений с использованием искусственного интеллекта³⁹⁶.

³⁹³ Европейская этическая хартия использования искусственного интеллекта в судопроизводстве и окружающих их реалиях. URL: <https://rm.coe.int/ru-ethical-charter-en-version-17-12-2018-mdl-06092019-2-/16809860f4>

³⁹⁴ Там же. С. 13.

³⁹⁵ Там же. С. 6.

³⁹⁶ Гурбанов Р.А., Курбанов Р.А., Билялова А.М. Информационные технологии и правосудие: Россия и зарубежный опыт. // Экономика. Право. Общество. 2019. № 3. С. 63.

Поэтому принцип «контроля пользователем» следует понимать как рекомендацию указанным лицам при разработке ИИ-инструментов и услуг принимать необходимые меры для того, чтобы обеспечить возможность судьям пересмотреть судебный акт, при вынесении которого использовались ИИ-инструменты и услуги; судьи не должны быть связаны результатами обработки данных, необходимых для вынесения решения, полученных посредством ИИ-инструментов или услуг.

В ЕЭХИИС специально отмечается недопустимость ограничения автономии воли сторон применением инструментов и услуг с использованием технологий ИИ. Такой подход в гражданском и арбитражном судопроизводстве означает, что лица, участвующие в деле, не должны принуждаться к использованию ИИ-инструментов и услуг для реализации процессуальных прав или коммуникации с судом.

Принимая во внимание стоимость ИИ-инструментов и услуг, представляется, что в качестве необходимой цели их внедрения в судопроизводство должно рассматриваться обеспечение участвующим в деле лицам в целом более широких возможностей своей волей решать, как использовать свои процессуальные права, включая право на обращение в суд. Если основной целью внедрения ИИ-инструментов и услуг становится экономическая эффективность деятельности суда (т. е. сокращение расходов на осуществление правосудия), доступ к правосудию и возможности сторон реализовать свои процессуальные права могут, как показывает опыт цифровизации суда в Англии³⁹⁷, наоборот, сокращаться.

Принцип «контроля пользователем» предполагает обязанность предоставления участвующим в деле лицам информации ясным и понятным языком о том, носят ли решения, предлагаемые ИИ-инструментами, обязательный характер и имеются ли иные варианты реализации его процессуальных прав без использования таких инструментов. Таким лицам должна быть предоставлена информация о праве на юридическую консультацию и обращение в суд.

Самое пристальное внимание вызывает такое положение принципа «контроля пользователем», которое требует, чтобы, во-первых, лица, участвующие в деле, были четко информированы о том, что при рассмотрении дела возможно предварительное обращение к ИИ-инструментам или услугам как до судебного разбирательства, так и во время его проведения, а во-вторых, таким лицам обязательно должна быть предоставлена возможность заявить возражения против использования ИИ-инструментов или услуг во время рассмотре-

ния дела и потребовать рассмотрения дела непосредственно судом по смыслу ст. 6 Европейской конвенции по правам человека.

Незнамов А.В. видит в этом положении «проявление своеобразной идеи возможности неприятия системы ИИ, которая, будучи не подчеркнута явно, по сути, является одним из ключевых принципов Хартии»³⁹⁸.

Хартия предлагает при внедрении любой информационной системы, основанной на искусственном интеллекте, проводить программы повышения компьютерной грамотности пользователей и публичные обсуждения с участием специалистов системы правосудия. Таким образом, очевидно, предполагается пользователей ИИ-инструментов (и судей, и сотрудников суда, и участников процесса) обучать пользованию такими инструментами, а также осуществлять контроль со стороны как судейского сообщества, так и публики над использованием в судопроизводстве ИИ-инструментов и услуг.

Представляется, что такие меры сами по себе не могут быть достаточными для сохранения уровня процессуальных гарантий лиц, участвующих в деле, достигнутого накануне начала цифровизации судопроизводства. Принцип «контроля пользователем» ставит новый для доктрины российского гражданского и арбитражного процессуального права вопрос: кто должен быть субъектом, обеспечивающим реализацию процессуальных прав в гражданском и арбитражном процессе и в итоге права на судебную защиту: человек или искусственный интеллект? Конституционная гарантия права на судебную защиту включает ли в себя право каждого на правосудие, осуществляемое человеком?

Очевидно, что ни разработчики текста Конституции РФ, ни голосовавшие за Конституцию РФ граждане не имели в виду, что право на судебную защиту может подразумевать рассмотрение дела и принятие решения не человеком, а искусственным интеллектом. Вопрос о том, может ли суд в какой-то мере использовать ИИ-инструменты и услуги при рассмотрении дела и в какой именно мере, тесно связан с природой правосудия как особой функции государства, предполагающей прежде всего готовность граждан добровольно подчиняться выносимым судом решениям, основанной главным образом на авторитете суда и восприятии решения как справедливого.

Конституционный Суд РФ неоднократно указывал на справедливость как на сущностную черту правосудия³⁹⁹.

³⁹⁸ Незнамов А.В. Принципы использования технологий искусственного интеллекта в правосудии: европейский подход // Образование и право. 2019. № 5. С. 224.

³⁹⁹ См., например: Постановление Конституционного Суда РФ от 16 марта 1998 г. № 9-П; постановление Конституционного Суда РФ от 5 февраля 2007 г. № 2; постановление Конституционного Суда РФ от 21 января 2010 г. № 1-П.

³⁹⁷ Court and Tribunal reforms. Second Report of Session 2019. House of Commons Justice Committee. Printed 30 October 2019. P. 66-73. URL: <https://publications.parliament.uk/pa/cm201919/cmselect/cmjust/190/190.pdf> (дата обращения: 22.03.2021).

Вслед за А.Т. Боннером и И.А. Банниковым следует признать, что справедливым решением мыслится решение гуманное⁴⁰⁰. Гуманность присуща только человеку. Алгоритмы, даже самообучающиеся, не могут выносить гуманное решение. Следовательно, деятельность по отправлению собственно правосудия, сущностной чертой которого является гуманность, может осуществляться исключительно человеком.

Таким образом, одним из критериев допустимости применения ИИ при отправлении правосудия должен быть критерий необходимости применения гуманного отношения к сторонам. Если интеллектуальная операция суда, для которой предполагается использовать ИИ при отправлении правосудия, требует проявления гуманного отношения к сторонам или объекту спора (например, к животным или окружающей среде), то ИИ не может быть использован. Контроль пользователя над ИИ должен включать использование такого критерия на стадии проектирования ИИ-инструментов и услуг для судопроизводства.

И.Н. Спицин,
кандидат юридических наук,
доцент кафедры гражданского процесса УрГЮУ

Юридизация понятия «искусственный интеллект»

В философии искусственного интеллекта принято различие слабого и сильного искусственного интеллекта. В настоящем докладе речь пойдет о слабом искусственном интеллекте. Обсуждение правовых аспектов функционирования сильного искусственного интеллекта представляется преждевременным, поскольку создание сильного искусственного интеллекта является научно-технической проблемой, принципиальная возможность удачного решения которой на сегодняшний день остается дискуссионной⁴⁰¹.

1. Несмотря на наличие дефиниций термина «искусственный интеллект» в отдельных правовых актах⁴⁰², теоретическая проработка вопроса формирования юридического содержания данного понятия сохраняет актуальность, поскольку недостаточно зафиксировать значение термина нормативно, но необходимо продумать и теоретически обосновать саму правовую концепцию искусственного интеллекта, принципы, способы и пределы интеграции его в правую действительность, что требует теоретической рефлексии. В идеале все эти моменты должны быть схвачены в научном юридическом понятии «искусственный интеллект». Таким образом, специфическое в своем содержании юридическое понятие искусственного интеллекта могло бы задать пределы собственно правовой сферы анализа многоаспектной проблематики использования технологии искусственного интеллекта, отграничить связанные с этим юридические вопросы от этических, философских, технологических, политических и других вопросов, лежащих вне сферы юриспруденции.

2. В правовой литературе отмечается, что юридические понятия формируются по-разному. Одни их них – органические понятия – формируются в результате профессиональной рефлексии над

⁴⁰¹ Напр.: Searle John R. Is the Brain's Mind a Computer Program? // Scientific American Volume 262, Number 1, January, 1990. P. 20–25. Обзор проблематики по философским основаниям искусственного интеллекта: Stuart J. Russel S.J., Norvig P. Artificial Intelligence: A Modern Approach. Third edition. Prentice Hall. 2010. P. 1020–1034.

⁴⁰² Напр.: Приложение III (глоссарий) к Европейской этической хартии по вопросам использования искусственного интеллекта в судебных и смежных системах; Указ Президента РФ от 10 октября 2019 г. № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации».

⁴⁰⁰ Боннер А.Т. Законность и справедливость в правоприменительной деятельности. М.: Российское право, 1992. С. 88; Банников И.А. Принцип осуществления правосудия только судом: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2017. С. 93.